

МОРСКОЙ ПОЧЕРК

Сборник писателей-маринистов

Морские истории и байки

Сборник
Морской почерк

«Горизонт»

2019

Сборник

Морской почерк / Сборник — «Горизонт», 2019 — (Морские истории и байки)

В сборнике представлены рассказы людей, которые тем или иным образом причастны к морю, к морской службе. Среди них есть моряки, которые до сих пор бороздят просторы морей и океанов, другие ушли в отставку, третьи просто не могут не писать о том, что видели и пережили в недостижимых для многих морских далях, четвёртые ушли в иной океан. Всех этих авторов объединяет любовь к морю и всему тому, что с ним связано. Недаром рассказ нашего дальневосточного автора Виктора Квашина так и называется «Люблю тебя, как Море». Эти слова можно было бы смело поставить эпиграфом к этой книге. Здесь Вы найдёте и воспоминания о Викторе Конецком, и откровения контрабандиста советской эпохи, и замечательные истории из жизни военного и торгового флота, и встретитесь у берегов Антарктиды с Артуром Чилингаровым. Особенно хочется отметить интервью с Валентином Савичем Пикулем и письма из мест заключения героического советского подводника-балтийца Александра Ивановича Маринеско. Хорошего вам чтения, друзья!

© Сборник, 2019

© Горизонт, 2019

Содержание

От составителя	6
Игорь Цуканов	8
Конецкий	9
Варандей	12
В.И. Ленин	15
Олег Опрышко	18
Байки старого боцмана	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Морской почерк. Сборник рассказов писателей-маринистов Редактор-составитель Сергей Воробьев

*Кто в море не бывал, тот Богу не молился
Старая поморская поговорка*

Редактор-составитель **Сергей Воробьев**

© Морской почерк (название и тексты)

лицензия № 2-0048

Составитель сборника выражает сердечную благодарность людям, оказавшим неоценимую поддержку идее создания этой книги и выходу её в свет:

Barbara und Albert Stiel (Lubeck, Германия)

Вера Павловна Воробьева (С-Петербург)

Анжела Вартановна Гаспарян (Рига)

Виктор Георгиевич Квашин (Владивосток)

Виктор Васильевич Гусаров (Рига, С-Петербург)

Хафис Зарифович Шахмаметьев (С-Петербург)

Владимир Михайлович Соловьев (Рига)

Анна Петровна Пархаль (С-Петербург)

Дмитрий и Наталья Штефан (Рига)

От составителя

Идея создания этого сборника окончательно оформилась в Санкт-Петербурге – в городе, где в своё время было прорублено окно в Европу, где стараниями Петра I Россия широким фронтом вышла к Балтийскому морю, где так славны морские традиции и где так много талантливых писателей-маринистов. От идеи до исполнения прошло три года. Недаром говорят, обещанного три года ждут. А его действительно ждут, и, прежде всего, сами авторы, доверившие мне свои рукописи. В результате долгих поисков, оценок и переоценок, кропотливой работы над отдельными текстами, мною было отобрано 17 фамилий, которые вошли в этот сборник как писатели-маринисты, т. е. писатели, тем или иным образом причастные к морю, к морской тематике. Среди них есть моряки, которые до сих пор бороздят просторы морей и океанов, другие ушли в отставку, третьи ушли в иной океан, четвёртые просто не могут не писать о людях, связанных с морем и маринистикой, поскольку это близко их душе. Всех этих авторов объединяет любовь к морю и всему тому, что с ним связано. Недаром рассказ нашего дальневосточного автора Виктора Квашина так и называется «Люблю тебя, как Море». Эти слова можно было бы смело поставить эпиграфом к этой книге.

Читатель сам оценит сборник в целом. Но то, что он найдёт в нём много талантливых и неповторимых вещей, ярких и образных текстов, занимательных сюжетов и просто малоизвестных или совсем неизвестных фактов нашей истории и тем из «параллельной» морской жизни – это определённо. Здесь есть и воспоминания о Викторе Конечком, и откровения контрабандиста советской эпохи, и замечательные истории из жизни военного и торгового флота, достойные самой высокой оценки в части стилистики, юмора и ненавязчивой подачи материала, и описания послевоенной жизни наших пароходств.

Особенно интересными мне показались выдержки из книги «Лейтенантское плавание» Игоря Смирнова, где отражены малоизвестные события Японской войны 1945 года. Его меткий наблюдательный глаз, знание Российской истории, хороший, чёткий и ясный язык морского офицера погружают нас в те давние исторические события, делают нас их соучастниками, зримо дают картины тех драматических дней, расставляют нужные акценты и подвигают к объективным сопоставлениям той и этой действительности. Составитель с большим сожалением «резал» и сокращал материал, чтобы уместить его в очень ограниченный формат сборника.

Форс-мажорные обстоятельства, случившиеся с атомной подводной лодкой Тихоокеанского флота (рассказ «Рули на всплытие» Валерия Голева), заставляют внутренне сжаться и сконцентрироваться, будто сам оказался в той критической и, казалось бы, безвыходной ситуации. Спасибо автору за честность, решительность и смелость поведать нам эту историю.

Мы видим молодого Артура Чилингарова, Филиппа Кусто в ненадуманном коллизиионном сюжете в рассказе «Случай при Ватерлоо» Сергея Павловича. Это тоже история. Да ещё с приключениями.

Корабль, как живое существо. Вы встречали подобное в литературе? А почувствовать шторм береговому человеку, постучаться лбом при качке в железные переборки попавшего в циклон судна, «потравить», наконец, за борт, когда кишки поджимает к пищеводу, слабо? Пожалуйста – всё это есть у Виктора Румянцева. Кому, как не капитану знать и чувствовать своё судно, описать его настроение, его жалобы и восторг встречи с морской стихией. И этот капитан знает, как надо писать, чтобы читатель почувствовал и понял всю подлинность предлагаемых сюжетов.

Особенно хотелось бы выделить воспоминания о легендарном подводнике Александре Маринеско его дочери Татьяны. Столько слухов, наветов и напрасных разговоров было вокруг этого имени, что становится неловко за страну, за которую воевали и побеждали такие герои, как её отец. Неловко более всего, конечно, за её руководителей различных рангов. Татьяна

Маринеско вспоминает о нём, прежде всего, как об отце, как о человеке – любящем, ответственном, бескомпромиссном. Его 13 писем из неволи дают возможность оценить его душевные качества, заботу о близких, любовь к ним, требовательность к себе и нетребовательность к окружающим обстоятельствам. Полная книга воспоминаний вышла таким малым тиражом, что остаётся неизвестной читающей публике. Так мы чтим своих героев.

И, наконец, – интервью Валерия Сандлера, которое он прислал из Нью-Йорка, с известным писателем, историком, маринистом Валентином Пикулем, взятое им в Риге ещё в советские годы. Это редкая встреча с крупной литературной фигурой на культурном пространстве России, приоткрытие занавеса, щёлки в его литературную кухню, оживление образа незаурядной личности, живой разговор с классиком.

Хотелось бы напомнить любознательному читателю, что кроме известного всем по «Морским рассказам» Константина Станюковича, морскую тему не забывали и были верны ей такие русские писатели, как Константин Бадигин, Александр Беляев, Билл-Белоцерковский, Евсей Баренбойм, Всеволод Вишневский, Иван Гончаров, Александр Грин, Валентин Катаев, Виктор Конецкий, Борис Лавренёв, Александр Некрасов, Новиков-Прибой, Константин Паустовский, Леонид Соболев, Лев Скрыгин. Немалый перечень и зарубежных авторов, уделявших внимание этой теме: Жюль Верн, Даниэль Дефо, Джозеф Конрад, Джек Лондон, Майн Рид, Герман Мелвилл, Рафаэль Сабатини, Роберт Стивенсон, Эрнест Хемингуэй, Тур Хейердал, Стефан Цвейг.

Спасибо отдельным авторам и добровольным помощникам, пожертвовавшим деньги на издание этой книги и соучаствовавшим в её оформлении и выходе в свет. Их имена вы увидите на второй странице сборника.

Игорь Цуканов

Игорь Михайлович Цуканов (1951? – 2007 г.). В 1975 окончил ЛВИМУ (Ленинградское высшее инженерно-морское училище им. Адмирала Макарова). Работал на сухогрузных судах во время навигации по Северно-морскому пути. С 1989 г. работал на заводе, в мелком бизнесе, был директором небольшой фирмы. В последнее время жил в посёлке Залегощь Орловской области. Писать начал в 2004 г. За три года был написан роман и серия рассказов из морской жизни. Отдельные рассказы публиковались в журналах «Морской флот» и «Письма из России». Редактор «Писем» Сергей Ананьевич Яковлев любезно предоставил нам рассказы безвременно ушедшего от нас автора.

Конецкий

В Игарке писатель Конецкий проводил творческий вечер в клубе моряков. Народу было немного, человек пятнадцать. Но это обстоятельство его нимало не смутило. Он разговаривал с нами негромким голосом, поминутно вытирая платком длинный красный нос. Простудился. Рядом с ним сидел капитан Шкловский и за всё время не вставил, кажется, ни единого слова.

Конецкий говорил о мировой литературе, о том, что существуют только две великие национальные литературы: русская и американская. Немного поговорил об Алексее Толстом, без особого, впрочем, уважения. Вспомнил, как ездил к Шолохову и как был разочарован этой встречей. Шолохов оказался простым крестьянином, и было невероятно трудно, как выразился Конецкий, поверить, что именно он написал «Тихий Дон». Самым трогательным моментом стал, пожалуй, рассказ о том, что К.Симонов своё последнее письмо написал именно ему, Конецкому. Мне, честно говоря, это было не совсем понятно, ведь даже близкими друзьями Конецкого, как мне тогда казалось, были люди не менее яркие и, уж конечно, не менее талантливые, чем Симонов. Наверное, я в этом ничего не понимал.

Вопросов к писателю было немного. Задавал их в основном электрик порта, бывший профессор МГУ, сосланный когда-то в Игарку да так и прикипевший к ней. Его вопросы были хорошие, умные. Он интересовался, какие книги Конецкого выходят и в каких издательствах, проявляя потрясающую осведомленность.

Когда подошла моя очередь задавать вопрос, я не нашёл ничего умнее чем сказать:

– Первые ваши рассказы, которые я прочёл, особенно юмористические, мне очень не понравились. – Повисла тишина, и я вдруг увидел, как изменилось лицо Конецкого, как на нём явственно проступила обида. Он, похоже, хотел уже оправдывать своё творчество, но тут я успел добавить: – Однако, вот недавно жена заставила меня прочесть роман «За доброй надеждой», и я понял, что в нашей литературе появился классик мирового значения.

Лицо Виктора Викторовича изменилось. Он в очередной раз достал носовой платок и, как мне показалось, в этот раз вытер не только нос, но и слезу умиления. А я продолжал:

– Как это у вас получается? Например, пишете об осенней тундре, кажется, о чем тут писать, как будто и сюжета-то особого нет, и героев явный дефицит, а вы находите какие-то особенно мягкие краски, и читается хорошо, словно даже воздух студёный проникает в лёгкие...

Мне, конечно, хотелось узнать побольше о литературной кухне.

– Виктор Викторович, а где вы находите сюжеты?

– Сюжеты летают вокруг нас в огромном количестве, надо только присмотреться. Вот видите, сюжет только что пролетел и вылетел в форточку.

– А как вы пишете, Виктор Викторович?

– Никаких планов я не составляю, никаких мостиков между кусками не делаю. Что мне видится лучше, то я и пишу, а потом просто соединяю эти куски.

У меня в портфеле томились бутылка водки и бутылка коньяку, а отдельно ещё арбуз и дыня. Мне очень хотелось поговорить с Конецким в неформальной обстановке, но строгий капитан Шкловский всячески пресекал мои попытки увести писателя к нам на пароход. Я не знал, с какого боку подступиться.

– Так зайдем на минутку ко мне? – еще раз предложил я в конце вечера. Конецкий оживился. Классик явно тянул канат в мою сторону. Может быть, ему хотелось поговорить о литературе с дилетантом, может быть, просто пообщаться с новыми людьми, может быть, выпить, а может быть, и всё вместе взятое, – так или иначе, он начал тяжёлое бомбардирование позиций Шкловского в пользу посещения нашего судна. Я робко заметил, что наш пароход стоит у

причала на пути к стоянке рейдовых катеров, откуда они должны были отправляться на свою «Индигу», стоявшую на бриделе.

– Да ладно, давай зайдем, пусть ребятам запомнится, – говорил Шкловскому Конецкий.

– Нет, нет, хватит, завтра отход.

Народ начал расходиться, встреча закончилась, мы вышли из клуба. Несмотря на поздний час, – часы показывали десять часов вечера, – было абсолютно светло, как днём. Полярное лето. Мы шли с Виктором Викторовичем впереди, а Шкловский – чуть сзади, как ответственный конвоир. Когда мы подошли к нашему трапу, произошла некоторая заминка. Мы с Конецким повернули к трапу и хотели уже ступить на нижнюю площадку, но тут Шкловский крепко уцепился за рукав Виктора Викторовича. Балтийское пароходство знало, кому доверить судьбу великого мариниста.

И всё-таки кое-чего мы добились. Наша борьба не пропала даром.

– Ладно, – вздохнул Шкловский, – выпейте на скамейке рейдовой стоянки, но понемногу.

Едва мы уселись на скамейке, между мной и капитаном вновь возникла непримиримая борьба. Я вытаскивал из портфеля бутылки, а Шкловский подхватывал их и ставил назад.

Конецкий захохотал.

– Ну что ты как плохая тёща, борешься всё не с тем, – сказал он капитану. – Не волнуйся, выпьем по стопочке-другой и разойдемся. Я прав? – Он посмотрел на меня.

«Нет!» – кричала вся моя поэтическая сущность, но я ответил скромным «да», в интонации которого можно было прочесть всё что угодно, только не согласие. Достал дыню, арбуз, виноград – что у меня было. Фрукты не смягчили душу Шкловского, а когда он выпил десять граммов коньяку из граненого стакана, то сморщился так, как будто пьёт в первый раз. Конецкий же сделал это с явным удовольствием. Что уж говорить обо мне. Я готов был сидеть с писателем всю ночь, разговаривать, слушать, восхищаться...

Не тут-то было. Едва причалил первый рейдовый катер, Шкловский как клещами вцепился Виктору Викторовичу в руку и утащил его на палубу. Мир сразу опустел, а мне ничего не оставалось, как только помахать им рукой на прощанье. Конецкий ответил мне грустной улыбкой, а Шкловский – злобным взглядом.

Я взял портфель и поплелся на пароход. Было светло, но створные огни уже зажигали. Короткое лето подходило к концу. На причале ловили налимов мальчишки. С резкими звонами передвигались портовые краны. Все семь причалов Игарского морского порта были заняты судами. На всех шла погрузка. Горячая пора. Я поднялся по трапу. Ком застрял у меня в горле. Это была не обида – обижаться мне было не на что. Но что же это было? Я разделся, лёг в постель и только тут осознал, что меня расстроило.

Это было даже не расстройство, а страх – страх перед зарождающимся в моей душе поступком, по легкомыслию совершенно не соответствующим ни моей высокой должности старшего помощника капитана, ни звонкому, хотя и пустому, званию комсомольца. Я быстро встал с постели и оделся, но на этот раз уже надел не форму, а спортивный костюм, прихватил сумку и вышел на причал. В паре кабельтовых от берега светилась чистыми огнями старенькая «Индига», ничего ещё не подозревающая. Солнце едва зашло за горизонт дикого правого берега, обросшего чахлым низколесьем, – там, в десяти километрах от Игарки, были места, где не ступала ещё нога человека. Все это некстати пришло мне в голову, когда я быстрым ходом преодолевал семь морских причалов и заводь перед стоянкой рейдовых катеров. Ближайший по расписанию был ещё не скоро, так что я настроился на долгое ожидание. Вскоре, однако, подошла бригада грузчиков, и я напросился доехать с ними до «Индиги». Бригада направлялась на другой пароход, но специально для меня катер ткнулся в борт, и я легко взбежал по небольшому парадному трапу. Вахтенного матроса не было на месте. Старый пароход спал, только тихо журчала струя на выходе охлаждающей системы дизель-генератора да светились

два иллюминатора на нижней палубе. Тут только я обратил внимание, что судно полностью загружено, палубный груз закреплён, и догадался, что они стоят в ожидании комиссии. Это открытие было не просто неожиданным, но ошеломляющим. Скорее всего, на судне уже провели досмотр силами экипажа. Я попал в ловушку. Я уже представил себе, как на борт приезжают таможня и пограничники, как они перекрывают все пути к отступлению, начинают досмотр и находят меня. Это означало конец карьеры. Если же я встречу их у трапа, последствия будут почти те же самые. Кроме того, я подведу Шкловского, а с ним и вахтенного штурмана, и 1-го помощника, и старпома, их всех обязательно накажут. Мне уже было не до разговора с Конецким, все мои мысли обратились на то, как попасть на берег. В конце концов, не выдержав испытания страхом, я выпил стакан коньяка, спустился по трапу и, отбросив подальше сумку, прыгнул в холодную воду Енисея...

Надо сказать, что плавал я хорошо, но никогда не преодолевал столь солидную дистанцию в холодной воде. Не буду описывать прелестей этого заплыва, чтобы не вызвать переохлаждения организма у читателя. Единственный раз в жизни я поблагодарил Бога за то, что он подарил мне тридцать килограммов лишнего веса, и посетовал, что не подарил еще двадцать. С трудом выбравшись на берег в заводи перед причалами, я упал на дощатый настил, с удовольствием ощущая, как тепло возвращается в моё тело.

– Вставай, парень, здесь нельзя лежать, простудишься.

Кто-то помог мне подняться, привел в вагончик, где полыхала буржуйка. Я ничего не видел, только чувствовал мощные волны тепла, идущие от печи, и невероятной амплитуды дрожь, сотрясающую всю мою сущность. Наконец меня сморило, а когда я очнулся, одежда была сухой. Сам же я был мокрый. С поразительным постоянством меня бросало то в пот, то в озноб.

Двое грузчиков отвели меня на судно, а вскоре уже врач Володя с термометром и стетоскопом углубился в изучение моей болезни.

Неделю я полыхал жаром. Находясь в полусознании, с трудом узнавал друзей, которые меня иногда посещали. Что касается доктора Володи, он даже ночевал на диване. Несколько раз в сутки делал мне уколы, пытался протолкнуть в горло ложку бульона. Каждый день меня навещал капитан. По моему, у него уже возникали планы о вызове мне замены. Но вскоре болезнь начала отступать.

Когда я вышел на первую вахту, судно готовилось к отходу. Я ещё чувствовал некоторую слабость, но преодолевать её пришлось в рабочем порядке. В Карском море перед Югорским Шаром мы догнали «Индигу». Она, видимо, с разбега влетела в небольшую полосу прошлогоднего льда, вылезла на приличную льдину и стояла теперь, не в силах сдвинуться, в ожидании помощи. Мы аккуратно окололи её с правого борта и вывели на чистую воду. Шкловский по радиотелефону рассыпался в благодарностях. Я вышел на крыло, и Шкловский увидел меня. Благодарности закончились. Мы дали полный ход, и «Индига» вскоре скрылась за горизонтом вместе с её злобным капитаном и добрейшим Виктором Викторовичем.

Мне очень хотелось рассказать Конецкому о моем приключении, но по радиотелефону о таких вещах говорить не принято. Кто знает, может быть, он написал бы об этом рассказ. Но больше я Виктора Викторовича не встречал, а теперь он и вовсе уже не человек, а пароход. Да такой, который другим писателям и не снился. Рассказ пришлось писать мне. К сожалению, я не Конецкий.

Варандей

Варандей – старый ненецкий поселок из нескольких деревянных домов. За последние несколько десятилетий там обосновалась геологическая партия. Геологи жили вначале в вагончиках, потом появились жилища, напоминающие цистерны, геологи стали жить в них, как Диогены в бочках, потом отстроили деревянные двухэтажные дома, магазин, столовую, базу. Портовых сооружений в Варандее, можно сказать, не было, за исключением мелководного маленького деревянного причала, куда на волне прилива могли заходить самоходные мелко-сидящие плашкоуты. Море в районе Варандея совершенно открытое и волнения на рейде нет только тогда, когда ветер дует с суши. Надо сказать, что геологическая партия требует значительного снабжения, туда надо завозить все, от буровых труб, техники и цистерн до табуретки. Раньше все завозилось летом, но пароход мог все лето простоять на рейде, не дождавшись погоды. Лет тридцать назад, благодаря главному технологу нашего пароходства Конюхову, грузы начали завозить весной, выгружая их на припайный лед. Это, конечно, удобнее. Хотя опасно.

В ту стоянку, о которой я вознамерился рассказать, произошел несчастный случай: один из тракторов, перетаскивающих грузы от судна на берег, утонул. Правда, обошлось без жертв. Нашелся хладнокровный парень, который чем-то оказавшись под рукой разбил стекло двери трактора и выволок оцепеневшего тракториста из кабины. Как только ноги тракториста коснулись льда, раздался мощный бульк, и крыша трактора исчезла в темной дымящейся клоаке.

Геологи оказались не готовыми к такому повороту событий, выгрузка остановилась. Начальник партии Шмергельский – как рассказывали, очень талантливый геолог и ученый – оказался совершенно неспособным организатором. Целыми днями геологи заседали у него в кабинете, не принимая никаких решений. Деньки, однако, были уже весенние, температуры стояли плюсовые, и дожидаться у моря погоды не имело смысла. Работа целой партии, а с ней и жизнь всего поселка могла приостановиться на неопределённый срок.

И тут капитан Грищенко принял судьбоносное решение. Он позвонил в редакцию газеты «Советская Россия». Через два дня на судно прибыли корреспондент и второй секретарь обкома. Что тут началось! Секретарь пробыл на судне всего два часа, но после его отъезда выгрузка неслась полным ходом. Груз вывозили на плавучих тягачах и вертолётах, пытались даже приспособить оленью упряжку.

Через неделю мы уже выгрузились и стояли в ожидании ледокола.

Олег Досмухамедов пригласил меня сходить в посёлок, и я с удовольствием согласился. Вышли мы утром, только рассветало. Я шёл, привычно похрустывая туфлями по снегу, а Олег скользил на лыжах. Спортсмен! Когда мы добрались до магазина в Старом Варандее, тот ещё был закрыт. У входа толпилась дюжина местных жителей, одетых почти одинаково: в телогрейки, ватные стеганые штаны и кирзовые сапоги. Некоторые были в национальных костюмах, однако. Мы приветливо поздоровались, но не встретили душевного отклика. Насторожённые недоверчивые взгляды были нам ответом. Я внимательнее пригляделся к покупателям. Один из них оказался русским, хотя одет был так же просто, а главное, в такое же грязное, что и остальные. Он смотрел на меня с приветливой улыбкой, и я вдруг с ужасом его узнал. Бог ты мой, да ведь это же К., мой однокашник по училищу! Только с арктического факультета. Метеоролог.

– Петя, что ты здесь делаешь, не золото ли приехал копать? – попытался пошутить я, но он только помрачнел.

Я вспомнил, как мы с ним сидели в вестибюле училища, когда были на пятом курсе. Абитуриенты готовились к экзаменам, и чья-то мать подошла к нам посоветоваться, на какой

факультет отдавать своё чадо. **Я**, помнится, был не в духе, поэтому промолчал, а Петя залился соловьём: мол, лучше арктического нет!

– Вы знаете, как манит к себе Арктика? Человек, который хотя бы раз там побывал, уже не уедет оттуда ни в жизнь. А люди какие! А природа! А зарплата!

Услышав про зарплату, мать поблагодарила Петю и пошла разыскивать любимого сына...

– Петя, что с тобой случилось, можешь рассказать?

– Да что рассказывать. После училища решили мы с женой поехать на какую-нибудь отдаленную станцию, чтоб заработать денег на квартиру, а заодно и на машину. Стали на всем экономить, дабы уложиться в пять лет. Вначале всё шло как по маслу. Направили нас сюда. Рыба, мясо, дичь здесь, можно сказать, бесплатные. Одежду выходную покупать не нужно – куда здесь ходить! Почти всю зарплату – на книжку. В отпуск не ездили. Так прошло года три, а потом Ленка что-то затосковала. Летом-то здесь ещё ничего, а зимой? Сидим целыми днями в избе, топим по очереди печку да выбегаем по расписанию снять показания приборов. Тоска. «Отпусти, – говорит, – меня, ради Бога! Я лучше тебя в Ленинграде буду ждать. Нет моих сил терпеть такую жизнь». Я ей: ну что ты, Лена, мы же договаривались... «Нет! Больше не могу!» Да как зарыдает! И так несколько дней, не остановить, уже хотел врача по рации вызвать. А потом замолчала, как будто оцепенела. Я к ней и так и сяк – молчит, на мои вопросы не отвечает. От работы и пищи отказалась. Куда деваться? Отправил я её ближайшим самолетом, и стало мне совсем тоскливо. Поверишь, три года спиртного в рот не брал, а тут запил, да так, что не мог остановиться. Пил, но работал. Через силу, через зубовой скрежет, а приборы проверял, радиogramмы кодировал и отправлял. Полгода почти Господь терпел, а потом наказал. Просыпаюсь по будильнику, а кругом всё полыхает. Едва успел выскочить из избы. Из Нового Варандея огонь заметили, прислали пожарную машину. Затем приехала милиция, а я лыка не вяжу. Прислали комиссию, посчитали убытки, ну и присудили мне их выплачивать, продолжая работу на восстановленной станции. Теперь, чтобы рассчитаться с государством, мне придется здесь работать еще восемь лет. Жена подала на развод. Вот такая романтика получилась.

Пришла продавщица, и народ шустрой змейкой проскользнул в магазин. Стояли тихо, с почтением взирая, как слоноподобная украинка переодевается и готовит прилавок к торговле. Но вот взлетели в немом вопросе мохнатые брови, и редкий по подобию страсти голос невнятно проямлил:

– Водка есть?

– Нет.

– Одеколona есть?

– Нет.

– А что есть?

– Ничего нет.

Местные ушли, я осмотрел прилавок. Несколько видов круп, хлеб, сахар, лавровый лист, соль, мука. Всё.

Петя купил две бутылки водки и ушел, даже не попрощавшись. Нашлась водка и для нас.

– Что же вы местным-то водку не продаете? – задал я вопрос из чистой справедливости.

– Если я им буду продавать водку, то они будут покупать только её. Денег-то у них почти нет, так пусть хоть детям что-нибудь купят, да и поест себе.

Она рассказала, как на неё писали жалобу. Хоть письмо и было анонимное, но местных в нем опознали по фразе: «Особенно плохо продавщица относится к коренным жителям поселка, редко продает им водку и одеколонные напитки».

Мы вышли из магазина. У входа стоял, сворачивая самокрутку, пожилой ненец:

– Продайте бутылку, сильно выпить охота.

– Да мы тебе так отдадим, только покажи, как ты живёшь! – Олега снедало этнографическое любопытство.

В прихожей небольшого домика стояла невыносимая вонь. Прямо на земляном полу в беспорядке валялись: ободранная тушка нерпы, горка наваги, грязная одежда, сети, скелет оленя и мешок с мукой. В жилом помещении всё было скромненько и, как говорится, со вкусом. На дощатом полу возле печки – матрасы, небольшой самодельный стол и скамейки того же производства. Запах прихожей переместился сюда. Мы отдали бутылку Никитичу (так представлялся старый ненец) и вышли во двор немного поболтать.

– Медвежьей шкуры у тебя случайно нет? – неизвестно зачем спросил я.

– Сто ты, сто ты, медведя нельзя стрелять, посадят.

– А разве они здесь есть? – удивился Олег.

– Приходят иногда, однако.

– Куда приходят?

– Сюда, – просто ответил Никитич. – Вот сегодня ночью один приходил. Стоит возле двери и говорит: «У, у!». А я ему: «Посол на х... посол на х..!» Еле прогнал.

Мы с Олегом переглянулись. Начинал свежеть северо-западный ветер, а как быстро здесь раздувается метель, мы уже знали. Попрощались с Никитичем и пошли на судно.

На чуть припорошённом льду возле самого берега я заметил свежие следы медведя. Олег подошел, взглянул на них, как-то отрешённо посмотрел по сторонам и довольно резво заскользил в сторону парохода. Я не мог за ним угнаться. А вскоре и судно, до этого прекрасно видное с берега, укрылось в пелене метели. Мне стало страшновато. Я побежал, ориентируясь на следы Олеговых лыж. Но вот позёмка начала укладываться в широкие полосы, толщина которых росла на глазах, и я, потеряв следы, сбился с пути. Попытался ориентироваться по ветру, но вскоре понял, что это бесполезно. Ветер лупил то с одной, то с другой стороны. Метель кружила по бухте. Я испугался. Не было сомнения, что я нахожусь где-то недалеко от судна, но шанс заблудиться и уйти не в ту сторону был очень велик.

И тут я наткнулся на большой торос. Откуда он здесь взялся, было непонятно. Может быть, возник, когда ледокол ставил нас к ледовому причалу? Я сел. Поднявшиеся на дыбы льдины укрывали меня с трех сторон. Незаметно для себя, убаюканный завыванием метели, я задремал. Пошли сны, которые приходят к замерзающему человеку: я в одних трусах бродил по холодным коридорам парохода в поисках горячего душа, но не мог найти душевую. Это продолжалось довольно долго. Затем я уже стоял перед краном и пытался отрегулировать температуру потока. Кран скрипел, свистел, рычал, но брызгался холодной водой. Внезапно он так рыкнул, что я проснулся и прислушался. Рык повторился, уже наяву. Шел он с обратной стороны тороса.

Несмотря на некоторое переохлаждение, я рванул вперед быстрее, чем Олег на лыжах. И тут зажгли огни на пароходе, и его образ высветился в двухстах метрах передо мной.

– Только бы не подняли трап, – шептал я как заклинание, как клятву, как молитву. И Бог меня услышал. Трап оказался опущенным. Сзади приближалось чье-то тяжёлое дыхание. **Я** в два прыжка вскочил по ступенькам и нажал кнопку подъёма трапа.

– А я? – раздался снизу хриплый голос Олега. – Ты что, бросаешь товарища в беде?

На следующее утро пришёл ледокол и, помучившись полдня, вывел нас на чистую воду. Мы развернулись, я дал гудок. Нам ответила тишина, и только через пару минут послышался ужасный рык. Из-за одинокого тороса торчала белая с желтизной голова медведя. Когда он открывал пасть, обнажались влажные клыки размером с пол-литровую бутылку.

– А, пошел ты... – подумал я.

В.И. Ленин

Виктор Иванович Ленин работал прорабом на судоремонтном заводе «Красная Кузница» в Архангельске. Поскольку парнем он был веселым и общительным, знали его очень многие. Ну и, конечно, из-за фамилии. По утрам он приходил на наш пароход раньше всех свежевыбритым и хорошо умытым. От него всегда пахло хорошим одеколоном. Он очень редко просил опохмелиться, делал это ближе к обеду, после которого любил немного подремать на мостике.

Однажды Виктор Иванович пригласил меня прийти в ближайший выходной к нему на ужин. Жил он на Малоникольской улице, так что найти его дом не составило особого труда. Немного склонившаяся набок небольшая деревянная хата, маленький огородик да огромная поленица дров вдоль сарая составляли всю недвижимость, которой обладал Витя. В качестве движимого имущества были: одноухий кот, что жил в доме, да беспородный кобель на привязи в будке возле сарая.

В субботу я не стал обедать в столовой завода, чтобы не портить себе аппетит, тщательно побрился, почистил ботинки и отправился в гости. Стоял лёгкий морозец, снег поскрипывал под ногами. Я вышел на площадь Терёхина, быстрым шагом пересёк её по диагонали, а от магазина до Витино дома было уже рукой подать. Беззлобно залаял кобель, и хозяин с раскрасневшимся лицом выскочил во двор.

– Заходи, – радушно распахнул он дверь и, обмахнув мои ботинки веником, подтолкнул меня к входу.

Первое, на что я обратил внимание, была волшебная музыка Фаусто Папетти, она сразу успокоила мою мятушуюся душу. Второе – весьма богатый по тем временам стол. Хозяин явно имел выход на дефицит. Третье – необыкновенно красивые дамы, которые сидели за этим столом. Они приветствовали меня таинственными улыбками.

– Лиля, – сказала одна из них.

– Фаина, – сказала вторая.

Я несколько замешкался, растерявшись в окружении таких красавиц. Витя пришёл мне на помощь.

– Иннокентий, – сообщил он присутствующим, а немного погодя прибавил: – Иннокентий Бонч-Бруевич.

– Боже мой, – сразу расстроился я, – ну зачем, ведь моя фамилия другая – Шпиндель, что в ней такого, чтобы стесняться?

Вскоре, правда, выяснилось, что девушки неправильно его поняли и подумали, что фамилия моя Иннокентьев, а Бонн Бруевич – это имя и отчество.

«Да ладно, – подумал я, – пусть зовут как хотят, не детей же мне с ними крестить».

Я успокоился, сел в кресло и приступил к дегустации блюд и напитков. Пробуя деликатесы, я заметил одну небольшую закономерность: когда я ел икру, рыбу, колбасу и мясо, очень приятно было смотреть на Фаю, а когда пил коньяк, ел конфеты и мандарины, то на Лилю. Если лицо Фаи выражало доброжелательность и чуть заметную женскую озабоченность, то лицо Лили было сладким, как зефир с апельсиновым соком. Вместе они смотрелись великолепно. Поскольку пришел я с некоторым опозданием, хотелось их догнать, особенно по напиткам, но они так резво держали ход, что у меня ничего не получалось. Постепенно подошли к брудершафту, девушки уже звали меня без отчества, просто Бонч, и я отзывался на это имя, как собака на кличку.

Суровым стылым вечером устроились мы спать. Я с Лилей лёг на печке, а Ленин – на кровати. Кровать у него была славная, из дуба, не какая-то там ДВП. Широкая, спинки полукруглые, инкрустированные медной полосой. Такую кровать я видел впервые. У девушек вначале произошло даже некоторое замешательство, никто из них не хотел лезть ко мне на

печку, обе хотели спать на такой кровати. Я уже намеревался расстроиться, но тут Лиля, смахнув слезу, сказала:

– Ну почему опять я, – и вспрыгнула на печку, как пантера на спину слона.

К середине ночи от сладкой любви моей красавицы я не знал куда деваться.

Со временем она, однако, успокоилась, и оставшуюся часть ночи я провел в блаженнейшем сне. Утром даже не хотелось вставать, но девушки без особой деликатности стянули меня с печки за ноги и усадили за накрытый стол.

Я сидел в трусах, а поскольку пол был холодным, Лилия надела мне валенки и треух на голову от форточного сквозняка. В большой тарелке шипели только что поджаренные бифштексы, картошка в мундирах щекотала ноздри, а огромный кочан квашеной капусты брызгал соком, когда Витя вонзал в него нож.

Опохмелялись сухим вином и вскоре пришли к тому блаженному градусу томления, когда не хочется уже ни есть, ни пить, ни говорить; а хочется только смотреть и смотреть подруге в глаза, испытывая порой желание залиться слезами умиления от того, что она есть на свете, сидит напротив тебя и смотрит на тебя такими же влюбленными глазами.

Напротив меня сидела Фая. А напротив неё сидел, естественно, я, и никто в мире не сумел бы разрушить возникшую между нами гармонию. Лилия же запрыгнула Ленину на колени и самым бессовестным образом целовала его колючую бороду, залитые вином усы и голую, как коленка, голову.

Вскоре Фая взяла меня за руку и повела в постель, а несколько минут спустя на печке заорал благим матом одноухий кот, на которого, как выяснилось, наступила своим массивным задом Лилия. Я целовал Фаины солёные губы, и мне было хорошо. Меня совершенно не интересовала причина их легкой солёности: то ли сказывалось то, что она живёт на морском побережье, то ли то, что за завтраком она особенно налегала на квашеную капусту. Какая разница?

Весь остальной день я провёл в мягком кресле, балуя себя мелкими глоточками хорошего коньяка, пускал тугие колечки дыма сигаретами «Данхилл», в приятной полупрострации слушал завывания огня в мощном зеве русской печки и завывания метели во дворе.

Завыла собака, и хозяин пустил пса в дом. Лохматое существо, покрытое сосульками, как ёлка шишками, пристроилось возле печки обгрызать обледеневшие лапы.

Близился вечер, и по мере его наступления во мне всё больше росла тревога. Надо было идти на судно, но разбушевавшаяся непогода запросто могла закрутить меня, завертеть да и бросить в какой-нибудь глубокий сугроб, из которого я уже не смог бы выбраться. Ленин очень страстно, а девушки – поленивее, уговаривали меня остаться до утра, но долг звал меня на службу, и вскоре я, облачившись в свою курточку на рыбьем меху и клетчатый картуз с помпончиком, стоял у двери, тоскливо озирая приятную компанию. Ленин пожимал мне руку, а девушки посылали воздушные поцелуи, произнося со страстным придыханием:

– До свидания, Бонч!

Распахнулась дверь, и влажноватая пощёчина метели тут же залепила мне снегом всё лицо. Придерживаясь стены, я кое-как доковылял до калитки, а дальше уже шёл, не видя перед собой ничего. Если я натыкался на забор справа, то немного подворачивал влево, и наоборот. Наконец я выбрался на площадь Терёхина и попал окончательно в плен беспощадной круговерти. Тяжело было даже дышать, но я шёл. Картуз мой унесло, рукава и брючины плотно набило снегом, а я всё шёл не знамо куда, как в аду, надеясь лишь на чудо.

И оно всё-таки произошло. Проплутав с полчаса и прочитав двадцать шесть раз «Отче наш», я вышел к проходной завода и ввалился в помещение, тут же усевшись на стул перед турникетом. Добрые женщины из охраны отряхнули меня метлами, вывалили снег из капюшона и рукавов, а из брюк я вытряхнул его сам. Придвинувшись к батарее парового отопления, я обнял её так, что никакая сила не смогла бы оторвать меня от неё. В тот момент она мне была

дороже, чем Лиля и даже Фая. Вскоре я заснул, и разбудить меня, а уж тем более оторвать от батареи, не смогли даже бдительные работницы проходной.

Проснувшись под утро, я обнаружил, что метель утихла, слегка подморозило, а мой паромход мрачной машиной стоит в двухстах метрах от проходной, выглядывая из-за стены цеха. Я медленно поплёлся к нему, зашел в каюту, включил обогреватель и уселся греться в его теплых волнах.

Что-то изменилось во мне.

Ленин через несколько дней уехал в командировку на Дальний Восток, и больше я его никогда не видел. Лилю с Фаей тоже не встречал, я ведь даже не знал, где они живут. Однажды случайно прослышал, что кто-то несколько раз звонил на судно, спрашивал Иннокентьева Бонча Бруевича, но вахтенный, понятное дело, не подумал, что это меня.

А я действительно изменился. Попадая в случайные гости, я уже не выбираю девушку покрасивее, а ищу место потеплее, желательно поближе к огню или горячей батарее. В последнее время полюбил бесцельные прогулки по городу. Обязательно с собакой. Бонч всегда идёт со мной рядом и несет в пасти мои меховые рукавицы. Погуляем немного – и в тепло. Пес у меня тоже теплолюбивый.

Олег Опрышко

Олег Васильевич Опрышко родился 18 августа 1951 года в Сибири, в Кемеровской области. Пять лет жил с родителями в Казахстане и учился в средней школе. В 1970 году приехал в Ленинград, где окончил Ленинградское речное училище. Работал электромехаником на судах Северо-Западного и Беломорско-Онежского речного пароходства. Последнее время работает электромехаником на судах Mediterranean Shipping Company. Начало творческой деятельности в 2003 г. – публикация рассказов в районной газете «Ладога», литературном сборнике «Родники». В том же году стал членом литературно-творческого объединения «Невские Берега». В 2005 г. – публикации рассказов в литературном сборнике «Мариенталь» и членство в союзе писателей Ленинградской области и С-Петербурга. В 2009 вышел первый сборник рассказов «Байки старого боцмана». Принят в члены Межрегионального Союза Писателей России.

Байки старого боцмана

Я вам так скажу, всякая животина на судне в радость, но рано или поздно, а списывать на берег их всё-таки приходится, а иная и сама сбежит, но всегда их жалко и вспоминают о них с теплом.

Вот была однажды у нас собачонка, Жулькой звали. Чуть где к причалу встали, она сразу к трапу, вроде вахтенного матроса. Никого мимо не пропустит, всех облает. Ну, как бы документ спрашивает. А кто ж ей будет документ показывать, да она и прочитать то всё равно не сможет, хотя и умная была. Свой документ она всегда показывала. Приходят на судно врачи с проверкой, а собачонка тут как тут; они сразу спрашивают старпома: «А санитарный паспорт на собачку есть?» Да какой же у неё может быть паспорт, её ведь не из питомника взяли, а так, где-то в порту маленьким щенком подобрали, она и прижилась. Беленькая такая была. К ветеринару её вести ни у кого времени не было. Тут какой-то умник и сообразил документ ей оформить. Пузо у неё голое было; везде шерсть густая, пушистая, а на брюхе волосики реденькие. Может потому, что по трапам много бегала, да за ступеньки цеплялась, оттого и повытерлись. Ну, так вот, поставили ей, значит на брюхо судовую печать «Волго-Балт», да и научили по команде: «Жулька, документ», ложиться на пол и раскидывать лапы в стороны, чтоб значит, печать было лучше видно. Да, умная была собачонка. А на спиртное у неё был нюх, просто жуть. Видать кто-то давал винца сладенького, или пивка попробовать, а ей и понравилось. Где бы ни собрались по рюмочке выпить, (праздник какой или что другое) она тут как тут. Ляжет под дверь и скулит, а капитан заметит это, накроет всех, и премии как не бывало. Невозможно стало на судне выпить. Приходилось на каждой удобной стоянке, на берег уходить. Сбегают моряки магазин, возьмут чего надо для души, да и сядут где-нибудь неподалёку на бережку отдохнуть. Кроме вахты на судне никого не найдёшь. Так капитан стал Жульку на прогулку выводить. Будто бы она сама не погуляет. Выведет её на поводке и подначивает: «Ищи, Жулька, ищи». А чё искать-то. Она и сама вперёди его на запах бежит – думает, нальют ей. Да ей бы и налили, не жалко, но она и капитана на поводке притащит, а уж тут беды не миновать. Умная была собачонка, за то и пострадала. Списали её где-то на берег, хоть и жалко было. С тех пор собак на судне не заводили.

А как-то стояли на Одесском рейде. Далеко, миль десять от берега. Прилетел к нам волнистый попугайчик. Видать, сильно неважугу ему у кого-то жить стало, если отважился на такой перелёт, или по своим родным заскучал, на родину подался, да силы не рассчитал. Залетел в рубку и чирикнуть не может. Обрадовались ему все. Накормили, напоили, клетку быстренько соорудили. Решили на судне оставить. Это ж не собака, выдавать не будет. Через неделю смотрим, загрустил наш попугайчик. Толи опять по Родине загрустил, толи скучно одному. Решили ему в пару ещё одного на рынке купить, а кого покупать? Самка у нас или самец? Никто не знает. Штурмана говорят, надо по клюву смотреть. Если клюв горбатый, то это самец. Тоже мне орнитологи, это же птица, а на грузин. Механики – те больше по хвосту определяли, видать тоже знатоки большие. В общем, пришли к общему мнению, что это самка, и ей нужно купить самца. В первом же порту отправили гонца на рынок. Ну, там-то точно, без ошибок, продали ему самца. Подсадили его к нашей «самочке», а они никак дружить не хотят. Неделя, вторая проходит, драки у них каждый день. Ну, поняли мы что обмишурились, жалко стало пернатых, чего ж им у нас без самок мучиться. Подарили их в детский сад, где уже были попугайчики всякого полу.

Долго потом никакой животины не заводили, однако, как-то под осень грузились мы в Карелии лесом, не то для какого-то колхоза, не то для совхоза на юге России. Их представитель наблюдал за погрузкой, чтоб ни одного бревна на берегу не осталось, и должен был сопровождать груз до порта выгрузки. Отвечал, значит за сохранность груза. А куда он денется, ежели

погружен да привязан найтовами. Посоветовали мы ему ехать домой отдыхать, а дней через десять встречать нас в Азове. Обрадовался он шибко. Как-никак, всё лето был на лесозаготовках, соскучился по жене.

– Я, – говорит, – вам за это поросёнка подарю.

Да зачем нам поросёнок, что у нас, свиноферма? Стали отговариваться, а он настаивает:

– Привезу и всё, а там сами решайте, что с ним делать, толи съесть, толи на откорм держать, если конечно помещение для него найдёте.

На наших судах не только что поросёнка, а на иных, целую свиноферму разместить можно. Проектировали-то их с учётом эксплуатации в военное время. На многих понаделали санпропускников. Это когда с палубы сначала заходишь в раздевалку, потом в душ, потом в одевалку, а уж, после этого, к каютам. Что б значит всю радиацию смыть.

Да, чего только не увидишь на флоте, а как называют суда, так об этом отдельную историю написать можно. Это ж как нужно с головой не дружить чтобы придумать названия вроде «Нижегородский комсомолец», или «Семьсот пятидесятилетие города Горького». Воистину горькая участь досталась тем, кому за границей приходилось произносить эту абракадабру по буквам на английском языке, А уж объяснить, сколько, в связи с этим, лет было Максиму Горькому, вообще никто не мог. Ленинградские лоцмана придумали прозвище покороче – «ТРИ ЧЕКУШКИ». А иначе, пока название судна выговоришь, так и язык сломать можно.

Пришли мы, значит, в Азов, а там нас уже встречает наш знакомый. Поправился, посвежел, видать на пользу отпуск пошёл. Груз проверил – всё в порядке, – и говорит:

– Пойдёмте, я вам подарок передам.

– Какой такой подарок? – мы уж и забыли, а он настаивает.

– Не везти же его обратно на свиноферму, там его давно списали, и теперь он будет только отчётность нарушать. Я ведь для него и документ выправил и корма привёз.

Принесли его на судно, поместили в приготовленное помещение, стали решать, что с ним делать. Чтобы на шашлыки пустить, об этом и речи нет. Он маленький, розовенький, тычется своим пяточком в колени да подставленные ладони, радуется жизни. А чего ему? Помещение досталось чистое, тёплое, еды вдоволь, внимание со всех сторон, всяко лучше, чем в свинарнике. Однако, животное хоть и с документом, но всё же не совсем обычная на судне. Вот раньше, на парусном да на военном флоте, это было делом привычным, а теперь кроме собак да кошек, пожалуй, что никого и не увидишь. Но по большому счёту разница-то не очень большая, только что не гавкает, зато как хрюкает! В общем, решили его оставить и назвать Шариком. И началась у него жизнь корабельная. Поначалу беспокоились, особенно матросы, которым вменили в обязанность убирать помещение, как никак свинья, слишком грязно будет, однако Шарик оказался на редкость чистюлей. В иной каюте грязи было больше чем в его помещении. Сделали ему корыто из двух отделений; одно для еды, а другое для воды, так он быстро во всём разобрался. Из одной половины ел, а в другую аккуратно складывал отработанное. Удивились мы тогда его сообразительности. Дальше – больше. Наш Шарик подрастал, и ближе к весне, его стали выпускать на палубу. Стеснительностью, при оправлении своих естественных надобностей, он поразил всех. Обследовав всю палубу, и укромные уголки он задом стал пятиться в один из них, оставив снаружи только свою умилённую мордочку и никто, ни за что не догадался бы, что он там делает, глядя на всех просто ангельским взором.

Каждый день общения с поросёнком приносил что-то новое. Как-то, на длинном переходе, разыгралась непогода. Три дня штормило. Волна шла бортовая и судно сильно раскачивало. В такую погоду немного находится желающих что-нибудь поесть, кроме разве что солёненького. Волны сильно заливали палубу, и ни у кого не было желания заниматься поросёнком. Да это было и не безопасно. Наконец дошли до порта и встали к причалу. Утром нашего Шарика выпустили на прогулку. На удивление, его помещение было вполне чистым, хотя весь оставленный корм съеден. Никто не побеспокоился, что первым делом надо бы его накормить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.